

ЧЕРЕПА И РОЗЫ: ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЯ В XVIII–XIX вв.

АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА ФЕДОТОВА *,
МАРИНА ВИКТОРОВНА ЛОСКУТОВА **

В последние годы заметно увеличилось число публикаций, докладов и конференций, посвященных истории естественно-исторических музеев, кунсткамер, ботанических садов. Во многом эта тенденция связана со смещением интереса историков науки от истории идей к истории научных практик. Историки науки стали больше уделять внимание пространству, в котором создается научное знание — как физическому и географическому, так социальному и символическому. Некоторые исследователи пошли еще дальше, утверждая, что «промежуточные пространства» (*spaces in between*), такие как поле, музей и ботанический сад — это пространства, где природный объект приобретает новый статус научного образца, теряя при этом некоторые из своих «естественных» или «культурных» атрибутов. Работы, посвященные этим проблемам, расширяют наше понимание тех процессов, в ходе которых природные объекты преобразуются в научные образцы и коллекции. На эти процессы влияют не только научные идеи как таковые, но и разнообразные материальные

и даже бытовые обстоятельства, которые принято называть культурным, политическим, экономическим и социальным контекстом. Именно этой теме был посвящен симпозиум в рамках VII конференции Европейского общества истории науки, проходившей с 22 по 24 сентября 2016 г. в Карловом университете в Праге. Симпозиум «Череп и розы: естественно-исторические коллекции и их значения в XVIII–XIX вв.» был организован авторами этого обзора Анастасией Федотовой (СПбФ ИИЕТ РАН) и Мариной Лоскутовой (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Председателем и комментатором была Марианна Клемун (Венский университет).

Группа историков, преобладающее большинство из которых уже давно и хорошо знает друг друга, анализировала различные цели, ради которых натуралисты прошлого собирали и использовали «естественные произведения», и процессы, в ходе которых собранные коллекции приобретали новое научное и культурное значение. Симпозиум обсуждал довольно широкий спектр таких объектов изучения — от краниологической коллекции Карла Бэра, до сортов роз, культивируемых французскими садоводами-селекционерами.

В числе прочего на симпозиуме обсуждали естественно-исторические коллекции и отдельные «натуралии», служившие подарками, которыми исследователи обменивались со своими неакадемическими

* Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5/2. E-mail: f.anastasia.spb@gmail.com.

** Научно-исследовательский университет — Высшая школа экономики. Россия, 198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 17. E-mail: mvlosk@yandex.ru.

партнерами – венценосными покровителями наук и меценатами. Связуя получателя и дарителя, такой подарок мог преследовать множество целей, упрощая последующее взаимодействие. Другой аспект, рассмотренный на заседании, – это экспонирование коллекций и отдельных «естественных произведений». Посетители естественно-исторических музеев, представлявшие собой разные, иногда конкурирующие между собой «целевые аудитории», состояли как из профессиональных исследователей, так и из «широкой публики», и их интересы в течение XIX в. все дальше и дальше расходились, что создавало известное напряжение в среде музейных работников и собирателей коллекций. Наконец, в ходе работы симпозиума были рассмотрены и различные практики работы с коллекциями и экспонатами: кто, почему и каким образом определял и обосновывал, каким образом в XIX в. следовало собирать, описывать, экспонировать и изучать «естественные произведения», отвергая другие возможные способы обработки и использования этих коллекций? Что происходило с этими общепринятыми практиками, когда объекты перемещались в другое место? Наконец, многие участники симпозиума в своих докладах прямо касались общей темы конференции этого года – «Наука и власть, наука как власть», которая сама по себе дает достаточно пищи для размышлений.

Дени Диагре-Вандерпелен (Национальный ботанический сад Бельгии) в своем докладе «Музей лесного хозяйства и фитогеографический дендрарий (1900–1970): созданы лишь для того, чтобы произвести впечатление на правительство Бельгии?» рассказал о стратегии, разработанной Чарльзом Боммером (1866–1938) в ответ на запрос

бельгийских политиков, считавших, что государственный ботанический сад должен уделять больше внимания прикладным и образовательным вопросам. Вынужденный подстраиваться под эти требования, Боммер создал и развивал «многоцелевые» коллекции, такие как Музей лесного хозяйства и фитогеографический дендрарий. Эта стратегия оказалась достаточно эффективной – Боммер сумел создать собственную научную нишу, смог реализовать собственные исследовательские программы по этим направлениям и обеспечить подготовку кадров. В докладе было наглядно показано, как в условиях формирования демократической системы в Бельгии с конца XIX в. и до начала 1980-х гг. местные ботанические учреждения адаптировали свои программы к запросам текущей политики или же были закрыты и расформированы.

Ольга Елина (ИИЕТ РАН) в своей презентации «Растения и политика: властные отношения в ботанике Российской империи во второй половине XVIII – начале XIX века» анализировала перемещение экзотических растений в этот период в контексте развития карьеры натуралистов и садоводов и тех политических игр, которые вели их высокопоставленные покровители. Сосредоточив внимание на положении дел в Российской империи, она обсуждала историю ранних ботанических коллекций с точки зрения аристократической культуры, поощрявшей любителей растений инвестировать средства в ботанические сады, организовывать экспедиции для сбора растений, нанимать профессиональных ботаников. Выпускники западноевропейских университетов, начинавшие работать в частных ботанических учреждениях, в дальнейшем могли

добиться высокого академического положения. В докладе было показано, как обмен растениями мог выступать важным инструментом внешней политики.

Кен Каллинг и Эрки Таммиксаар (Эстонский университет наук о жизни, Тарту) сделали доклад «Карл Бэр и краниологическая коллекция Санкт-Петербургской академии наук». В XIX в. в физической антропологии шли жаркие споры по множеству вопросов, связанных с эволюцией человека. Одним из них был вопрос о том, связаны ли морфологические признаки с лингвистическими и ментальными особенностями различных этнических групп. В Российской империи, как и в германоязычном научном и культурном пространстве, наиболее значимой фигурой в этой области был Карл Бэр, чья краниологическая коллекция и была рассмотрена в этом докладе. Выступавшие остановились на захватывающей истории формирования этой коллекции человеческих черепов (моральная неоднозначность такого рода собирательской деятельности вынуждала натуралиста искать нетривиальные способы пополнения коллекции). В то же время были подробно рассмотрены теоретические воззрения Бэра в области краниологии и физической антропологии – значительно более гуманистические, чем взгляды многих его современников: Бэр отрицал понятие «раса». Он располагал свою коллекцию по территориальному, а не по языковому принципу, отрицая тем самым жесткую зависимость между этнокультурными и морфологическими признаками.

Доклад Анастасии Федотовой (СПбФ ИИЕТ РАН) и Томаша Самойлика (Институт биологии млекопитающих Польской академии наук) «Убивать для музеев: зубр как музейный экспонат» был посвящен только

одному биологическому виду – европейскому зубру. Еще в XVIII в. натуралисты и музеи Европы мечтали заполучить в свои коллекции этого самого крупного из сохранившихся европейских млекопитающих. Коренной обитатель Восточной Европы и одновременно загадочное, экзотическое существо, персонаж легенд и преданий, зубр вызывал колоссальный интерес публики, и музеи были готовы преодолеть значительные научные, организационные, дипломатические и логистические проблемы, чтобы заполучить его чучело и / или скелет. Этой ситуацией пользовалась лесная администрация Беловежской пуши, располагавшая уникальной возможностью поставлять такие экспонаты. Созданная совместными усилиями натуралистов, музеев и лесной администрации Российской империи популярность зубра в долгом XIX столетии повлияла и на последующие усилия по восстановлению его популяции в следующем столетии.

Марина Лоскутова (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) остановилась в своем докладе на истории разведения лекарственных растений и торговли этими растениями в Российской империи XVIII – первой четверти XIX в. Особое внимание было уделено вопросу о том, какие именно лекарственные растения культивировались в ботанических садах и аптекарских огородах в столицах и провинции, какие растения собирались в дикой природе, какие закупались за границей. Докладчица также коснулась вопроса о транзитной торговле ревенем (*Rheum officinale*) и попытках разведения этого растения в Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв.

Доклад Кристианы Огины-Пави (Университет Анжера) был посвящен французским розариям XIX в. как

месту встречи практического и теоретического знания. Особое внимание ей было уделено перемещению образцов из частных коллекций садоводов в ботанические сады, выведению новых сортов, полученных благодаря скрещиванию местных видов с видами и сортами из Северной Америки и Азии. Для селекционеров и для ботаников розы были одним из самых интересных и сложных объектов в силу непредсказуемости результатов селекции, что стимулировало формирование новых теорий о природе изменчивости растений. В то же время замечательные декоративные свойства роз и большие возможности их вегетативного размножения способствовали тому, что это растение пользовалось колоссальной популярностью у садоводов.

Стефан Тирар (Нантский университет) рассказал о карьере Андре Туана (1747–1824) и созданной им коллекции семян из Национального музея естественной истории в Париже. Туан был одним из самых известных организаторов этого научного учреждения и одним из самых активных деятелей по акклиматизации новых культур во Франции. На основе архивных документов Тирар описал сеть контактов Туана, рассылавшего образцы семян и живых растений из Парижа практически во все уголки Франции. Эта сеть функционировала не одно десятилетие. Как показал Тирар, обмен растениями имел значение как для акклиматизации новых видов декоративных растений и сельскохозяйственных культур, так и для развития фундаментальной ботаники.

В докладе «Музеи Санкт-Петербургской академии наук в XIX в.: от научных лабораторий к просветительской деятельности» Надежда Слепкова (ЗИН РАН, Санкт-Петербург)

и Татьяна Юсупова (СПбФ ИИЕТ РАН) рассмотрели историю коллекций Санкт-Петербургского Зоологического музея Академии наук с точки зрения противоречий между научной и просветительской функциями музея. Этот конфликт обозначился уже в 1860-х гг., став отражением глубоких изменений в российском обществе, связанных с его либерализацией и проводимыми Александром II политическими реформами. Авторы показали, что вопрос доступности музеев для широкой публики, поднятый Министерством народного просвещения, вызвал тогда целый ряд возражений научного сообщества. Зоологический музей не мог самостоятельно решить эту проблему: потребовался целый ряд мер со стороны Министерства народного просвещения, начиная от принятия нового устава до существенных финансовых вливаний и переезда музея в новое просторное здание, где эти две функции – научная и просветительская – могли бы реализовываться, не мешая друг другу.

Аспирантка Высшей нормальной школы в Париже Маддалена Наполитани в своей презентации рассказала о минералогических коллекциях во Франции в эпоху Французской революции и о создании минералогического музея в Париже в 1783–1839 гг. Создание национальных музеев в этот период имело очевидный политический подтекст: они служили символом демократизации научного знания, символом новой республики, создавались как хранители национального наследия. На примере минералогических коллекций Высшей горной школы Маддалена рассказала о том, как некоторые частные собрания «натуралей» в эту эпоху стали национальными музеями, и какую роль они сыграли в политической жизни той эпохи.